

**ВОЛЬНЫЙ ГОРОД В РОССИИ XVII В.:
МАНГАЗЕЯ НА РЕКЕ ТАЗ (1601–1672)***

**A FREE TOWN IN 17TH-CENTURY RUSSIA:
MANGAZEYA ON THE TAZ RIVER (1601–1672)**

The article studies the history of Mangazeya, a unique merchant town that was established in the 17th century. The author focuses on a variety of issues: i. e. the relationship of Russian migrants with the local peoples, the attitudes of merchants, the division of power between local and central authorities, as well as the state policy on trade relations with foreign states. The author demonstrates that measures existed that protected the national interests of private merchants and prohibited measures for foreign merchants. The article reveals the reasons for the rise and fall of the town and the role of Mangazeya in the economy of the Moscow State, which used furs as an important form of international currency. The analysis is supported through a variety of Russian and non-Russian sources. The author draws a typology of a similar town development in accordance with internationally used approaches.

Key words: 16th century Russian history; Mangazeya; Siberian expansion; North sea route; English diplomacy of the 16th century.

Рассматривается история возникновения уникального купеческого города XVII в. Мангазеи. В сфере внимания автора различные проблемы: взаимоотношения русских переселенцев с местными народами, нравы купцов, распределение полномочий между местной и центральной властями, а также государственная политика в торговых отношениях с иностранными государствами. Приводятся факты защиты национальных интересов частных торговцев, запретительные меры для иностранных купцов. Выявляются причины расцвета и заката города и роль Мангазеи в экономике Московского государства,

* Редколлегия журнала искренне благодарит проф. Серджи Бертолисси за предоставленный материал для публикации на русском языке отрывка из его новой монографии “*Il territorio nella storia della Russia: dall’opricnina di Ivan IV alla conquista dell’Asia centrale*”, издание которой планируется в 2015 г.

для которого меха играли роль международной валюты. Привлекается обширная литература русскоязычных и иностранных авторов. Проводится типология подобного развития города в соответствии с мировой практикой.

Ключевые слова: русская история XVI в.; Мангазея; экспансия в Сибирь; Северный морской путь; английская дипломатия XVI в.

«...В Сибирском Багдаде крупные коммерческие сделки отмечались сказочными банкетами, которые продолжались дни напролет и включали лучшие европейские вина и местные деликатесы, такие как осетр, икра, грибы, ягоды, дичь» [см.: George, p. 263–266]. Живописное описание Мангазеи на реке Таз, города-сибарита, находящегося за Полярным кругом, дает представление о городе XVII в., сопоставимом в российской истории по своему богатству и независимости с Великим Новгородом, но, в сущности, радикально отличающимся от него условиями существования и событиями. Его следует считать жемчужиной среди сибирских городов, своеобразной крепостью, защищающей местных жителей и природу.

В самом деле, в 1600 г. сотня казаков во главе с В. М. Масальским из Тобольска на четырех лодках спустилась по Оби и отправилась к северо-востоку, в сторону залива реки Таз. Несмотря на кораблекрушение и несколько столкновений с самоедами, они достигли внутренней площади, которую посчитали подходящей для постройки крепости (*острога*), подходящей для формирования нового звена в цепи укреплений, постепенно образующихся по мере продвижения русских в Сибирь.

Мангазея (возможно, она была названа в честь коренного населения, *мангазеев*) была основана в 1601 г. в 200 км от устья реки Таз на Карском море, недалеко от Полярного круга, в бассейне рек Обь и Енисей, в то самое время, когда великий голод, разразившийся в Москве, собрал более 100 тысяч жертв в одной только столице, а царь Борис Годунов (1598–1605) был впервые обвинен в узурпаторстве.

Период Смутного времени в городе, находившемся за тысячи километров от Москвы, был кратким. Мангазея занимала особое место среди множества городов, построенных в процессе русской колонизации на Восток, в том числе по причине своего непредвиденного запустения.

Область, в которой возникла Мангазея, была известна русским задолго до 1582 г., *официальной* даты завоевания Сибири, связанной с именем казацкого атамана Василия Тимофеевича *Ермака* (от турецкого слова, обозначающего 'жернова'¹), а также с рейдами в поисках мехов жителей Новгорода за два столетия до этого (древние новгородские легенды рассказывают о «...диких жителях, “уграх” и “само-

¹ Происхождение имени является дискуссионным [см.: Суперанская, с. 183; Петровский] (прим. ред.).

едах», которые бродили по тундре и жили, обмениваясь товарами с русскими») и военными нападениями, которые уже при Иване III были совершены на проживавших там туземцев (остяки и самоеды) [Платонов, с. 95]. После полного приключений завоевания столицы ханства Сибири, Кашлыка, осуществленного Ермаком, случайные набеги, характеризовавшие в прошлом контакты между русскими и огромной Сибирью, уступили место более органичному продвижению по территории и постепенной консолидации военных укрепленных поселений, которые позже превратились в самые настоящие города, такие как основанные к концу XVI века в районе Тюмени – сама Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Сургут, Березов [см.: Скрынников, 1982; 1986; *Yermak's Campaign in Siberia*; Миллер].

Разница между *острогом* и *городом* была идентифицирована наличием в *городе* трех решающих факторов: 1) оборонительные стены и крепость внутри; 2) пребывание большинства жителей внутри городских стен; 3) наличие там административного центра [Резун, с. 178]. В 20-е гг. XVII в., на основании *Указа*, разделившего Сибирь на две части (западную и восточную), под *городами* подразумевали Тобольск, Тюмень, Пелым, Тару, Березов, Мангазею, Сургут и Томск, за которыми следовали, конечно, и другие. Линии проникновения в Сибирь соответствовали бассейнам крупных рек, Оби – Иртыша, а затем Енисея, Лены и, наконец, Амура и далее на восток: к 1619 г. русские заняли все внутренние водные и прибрежные пути. Едва завоевав земли, там сразу же строили казематы и крепости и, встретив туземцев, заставляли их платить дань «высокой руке царя» (см. табл. 1 и 2). В низовьях Енисея русские встретили тунгусов, а в самой высокой части – бурятов, совершенно им неизвестных. Тунгусские племена к востоку от Енисея и буряты вокруг озера Байкал оказывали ожесточенное сопротивление при завоевании их территорий, особенно при строительстве постоянных поселений, которые, тем не менее, были созданы в течение короткого времени. В верховье Енисея завоеватели встретили также сопротивление степных кочевников, киргизов и калмыков, чьи земли граничили на юге с Сибирью и чье сопротивление было подавлено лишь два столетия спустя, когда была создана надежно охраняемая южная пограничная линия.

Подсчитано, что в первой четверти XVII в. 3 750 местных жителей были обложены данью в шести областях – Тюмени, Тобольске, Таре, Туринске, Пелыме и Березове и что, согласно оценкам, в среднем она составляла 10–12 соболей с человека. Но с расширением экспансии на восток, с присоединением Сургута, Нарыма, Мангазеи, Кетска и Томска, доход для государства от торговли мехом увеличился с 44 772 руб. в 1595 г. до 45 000 руб. в 1605 г., в то время как вне контроля еще оставались многие незаконные сделки, состоявшиеся в недавно завоеванных землях [Бучинский, с. 14, 324]. В дополнение к *ясаку*, государство также собирало 10 %-й налог (десятину) с того, что зарабатывали охотники и частные торговцы.

Десятина была представлена одной меховой шкуркой из десяти, «лучшей из лучших, средней из средних без всякого выбора...»; и дань должна была быть оплачена до того, как охотник мог сбывать товар, и система документов с описанием мехов должна была предотвратить уклонение от уплаты налогов. В дополнение к *ясаку* русские завоеватели требовали с туземцев *поминки*, «добровольные» приношения мехов, предложенные в честь царя. Поражает число шкур, а следовательно, и количество убитых животных в этой первой фазе завоевания Сибири: от 20 000 шкур в 1582 г. их количество к 1605 г. увеличилось в общей сложности до 62 400 шкур в год, чтобы достичь в начале 1640-х гг. более полумиллиона шкурок в год, после чего наступил неизбежный спад, хотя охота и торговля драгоценными мехом пушных зверей не останавливалась никогда [Fisher, p. 266].

Экспедиции направлялись из Томска и Кетска на юг и из Мангазеи на север, сходясь в долине Енисея. Столкновения с тунгусами в низовьях Енисея и бурятами в верхней части не помешали тому, что в течение нескольких десятилетий был построен ряд самых настоящих городов, заложивших основу для русских поселений в Сибири: Енисейск в месте слияния Енисея и Ангары (1619), Красноярск (1617), Братск (1631).

Другой путь был морским: от Архангельска до Мангазеи время навигации составляло полторы недели, и прибывавшие туда русские моряки торговали с местными туземцами, остяками и самоедами кожаными изделиями. «Сотни тысяч шкур соболя, горностая, голубой и серебристой лисицы» и «бесчисленные тонны ценного бивня мамонта и моржа», – как сообщает автор, были отправлены в Европу через Мангазею, с нарушением правил перевозки в обход пошлинного контроля, в то время как шелк, фарфор и драгоценные ткани из Средней Азии и Китая поставлялись в город в таких количествах, что пробуждали зависть во всех других торговых городах, имевших свои базы на Урале, таких как Тюмень и Тобольск. Подсчитано, что только в 1615 г. объем товаров, проходивших через город на реке Таз, превысил объем всей российской внешней торговли, при этом ни одной копейки не попало в царскую казну [George, p. 26].

Первоначально значение города определялось преимущественно его расположением между Северным Ледовитым океаном и основными наземными маршрутами проникновения в Сибирь. Два из них были, по сути, путями, которые связывали Поморье с устьем Оби: вдоль *морского пути* через Югорский Шар, Карское море и полуостров Ямал; вдоль *каменного пути* через Печору и Уральские горы. Первый, несмотря на его природные трудности, был предпочтительнее для купцов из-за относительной скорости его преодоления, около полутора недель [см.: Бахрушин, с. 77–90; Александров, с. 15, 24–25; РИБ, с. 1090].

Например, в 1601 г. прибыли в Мангазею 4 лодки по 40 человек, затем в период с 1613 по 1615 гг. – 16 лодок с 160 людьми на борту,

а в течение двух лет с 1618 по 1619 гг. прибыло намного больше людей, вплоть до того, что в 1633 г. их количество достигло 1270 человек, цифра, которая постепенно уменьшалась в последующие годы [РИБ, с. 1072, 1088, 1091, 1092]. В 1633 г. общая стоимость товаров, ввозимых Мангазею, достигла 8 444 руб. того времени (т. е. более 118 000 руб. в 1913 г.) и из них 3 037 руб. были разделены между двумя семьями богатых купцов – Пахомовыми и Федотовыми-Гусельниковыми.

Сначала стабильный маршрут путешественников характеризовался приютами для зимы, *зимовьями*, а не настоящими населенными пунктами, из которых наиболее значимые после основания города были сформированы российскими охотниками, *промышленными людьми*, в то время как менее многочисленные, но экономически более сильные, были населены купцами, *торговыми людьми*, обеспечивавшими город своими поставками, будучи так называемыми *непасечными* («без пахотных полей») и *нехлебными* («без хлеба»), в дополнение к организации и участию в коммерческих предприятиях и охотничьих экспедициях, выезжающих из города [Бахрушин, с. 300–301].

Город, по своему расположению и по выполнению функции коммерческого узла, стал образцовым в ходе русской колонизации Сибири и имел двойственную природу, будучи разделенным на две части. С одной стороны, настоящий город (*город*), окруженный высокими стенами и квадратными башнями, в котором находился гарнизон, постоянно готовый к обороне, состоявший из лучников, казаков и офицеров армии; с другой – пригород (*посад*), прилегающий к городу, где склады товаров и склады военных (*служилых людей*) соседствовали с постоянным жильем, которое по окончании зимы с приходом купцов и путешественников могло вместить до 300 человек. В целом, количество построенных домов, где могли жить более тысячи городских жителей, достигло 500 единиц. С мая по июнь сменялись торговцы, которые, перезимовав в Мангазее, оставляли город, приобретая в течение зимы меха, в это время приезжали новые торговцы с продовольствием для торговли, сборщики дани и другие служилые люди, готовые перезимовать в своих *ясачных зимовьях*, а также множество людей, проезжавших через город, и их количество могло достигать тысячи, что являлось прямым доказательством важности города. В течение нескольких лет после своего основания город был определен под юрисдикцию государства, с наличием *воеводы* и с учреждением *ясака* для местного населения, которое изначально приняло его мирно, но затем, со снижением количества и качества соборей, ситуация ухудшилась (см. табл. 3, 4). Значение доходов от торговли пушниной, тем не менее, было таково, что «в середине XVII века они составляли 10 % от налоговых поступлений государства», несмотря на то, что в значительной своей части были скрыты от контроля властей. Эта *автономия*, результат отдаленности и специфических местных

условий жизни, а также нарастающее присутствие британских судов и купцов, заинтересованных в торговле мехом, побудили центральное правительство искать возможность определения границ области и ограничения в нее свободного доступа.

В конце Смутного времени король Англии Джеймс I выразил свое намерение создать торговые базы в области Мангазеи, следуя примеру английского капитана Ричарда Чансела, который в 1553 г. в поисках прохода на восток в Арктическом море высадился в устье Северной Двины в Белом море, где позже возник порт Архангельск. Экспедиция Чансела была частью обширной серии разведочных поездок британцев в этом районе, организованных в поисках прохода от Арктики до Тихого океана: в 1533 г. была осуществлена экспедиция Х. Виллафби; в 1556 г. состоялась экспедиция Борроу; Пита и Джексона – в 1588 г.; К. Ная – в 1594–1595 гг.; Баренца – в 1594 г. и 1596 г.; Хадсона – в 1608 г.; Хое и Баумана – в 1625 г.

Соглашение 1555 г. завершило англичан в предоставлении им значительных преимуществ, таких как освобождение от таможенных пошлин и разрешение распоряжаться автономным предприятием под руководством своего агента [см.: Lincoln, p. 60; Бахрушин, с. 81; Fisher, p. 116–117]. Также голландцы и немцы занялись прибыльной торговлей мехом: первые – с помощью соглашения с семьей Строгановых, которое обеспечивало отправку в Амстердам кораблей, полных шкур, под руководством бельгийского агента, Оливера Брунела, в то время как вторые приезжали из Любека и Гамбурга и некоторые из них получали разрешение на торговый обмен в глубине России [Ibid., p. 190–195].

Но невмешательство со стороны русского государства в жизненно важный сектор доходов, которым являлась торговля пушниной, не могло продолжаться, особенно после укрепления власти в Москве при династии Романовых (1613). Таким образом, уже в начале 1619 г. был объявлен запрет на транзит сначала иностранных судов из Архангельска, а затем и российских. Даже Строгановы, известные уральские купцы, расширяя свою деятельность в западной части Сибири, держали в тайне свою торговлю в этом районе, опасаясь внешней и внутренней конкуренции, доказывая тем самым, что регион получил стратегическое значение для всех участников, в том числе и самого центрального правительства.

Постоянные приезды и отъезды людей и неуправляемость торговли побудили постоянных жителей составить договор организации, которая приняла форму *мира* («ассамблеи») – *мангазейская мирская община* – и отличалась от типичной формы *волости*, потому что она (*община*) «не объединяла ни страну, ни районы с постоянным местным населением, а связывала торговцев и путешественников, которые приезжали в Мангазею в этом конкретном году – и, следовательно, это был союз личный, а не территориальный» [см.: Бахрушин, с. 302; Александров, Покровский]. В центре

деятельности *мира* был совет (*сходка*), в котором принимали участие представители различных классов – *промышленные люди*, бывшие в большинстве, *торговые люди*, находившиеся в меньшинстве, были представители духовенства и *служилые люди* под руководством *воеводы*, устанавливавшего *основные направления мира*, особенно в области использования собранных средств. Существовали три вида налогов: 1) *поголовный* (на душу населения), собиравшийся с каждого приезжего в Мангазею; 2) *посороковое*, взимавшийся с 40 шкур, принесенных *промыслом*; 3) *порублевое*, процент, который был наложен на все товары, ввозимые в Россию. Что касается расходов, были три ключевые позиции: 1) *государственные мангазейские расходы*, в которые были включены все расходы на правительство города; 2) существовали также расходы на *воеводу*, которые были достаточно внушительными; 3) наконец, *земские издержки*, относящиеся к местной администрации. Расходы, которые выпадали на *мир*, были также связаны с поддержанием служащих в *ясачных зимовьях*, которые отвечали за сбор налогов, а также непредвиденных расходов, таких как монтаж таможенных барьеров во время прибытия новых торговцев.

Удаленность от Москвы, хрупкое равновесие, обусловленное наличием малого количества постоянных жителей и множества приезжих, укрепили позицию *воеводы*, который становится городским деспотом, сосредоточив в своих руках финансы города, что привело к обострению противоречий между различными классами и даже открытым столкновениям между крепостью и пригородами, в результате которых в начале февраля 1631 г. произошло восстание с участием глав двух частей города [о воеводах и в целом об администрации Сибири см.: Lantzeff]. *Воеводы* Г. Кокорев и А. Ф. Палицын были вовлечены в восстание и возглавили соответствующие стороны, предложив создание автономного *мира* для всей области Мангазеи. В действительности, даже через год после *смуты* 30 % средств были использованы для поддержки расходов *воеводы*, в продолжение тяжкого бремени и отсутствия контроля из Москвы (осуществляемого через агентов, *сушиков*), не оказавшего никакого влияния на последующий упадок автономии города и его окончательное возвращение под юрисдикцию столицы.

Городские жители подписали, однако, между собой письменный договор (*одиначную запись*), с целью положить конец господству *воеводы* и, прежде всего, его жажде денег, которая поглощала, как мы видели, большую часть доходов *мира*. Он был государственным чиновником, который получал зарплату, именно с целью – после отмены в 1556 г. *кормления* – не пользоваться подношениями и подарками от населения, как это происходило ранее.

За несколько лет *мир* стал в Мангазее автономной организацией, независимой от Москвы, что не могло не беспокоить правительство,

которое на фоне большого количества новостей о *смуте* оставалось в неведении относительно большинства событий в регионе. Решающий фактор, однако, был связан с итогами интенсивной охоты на пушного зверя, которая постепенно уменьшала его количество, лишая *вольный город* Мангазею перспектив. Положение усугублялось тем, что в то же время был открыт южный транзитный маршрут между Обью и Енисеем, по Лене, через Енисейск, снизивший уникальность и важность торгового маршрута через Мангазею. Кроме того, как уже было сказано, в 1619 г. был *закрыт* северный морской путь, уничтожены сигналы для навигации, даже сфальсифицированы карты, таким образом, что Новая Земля была отмечена как полуостров. В 1627 г. сообщение *промысловиков* в Москве гласило, что в настоящее время в области нижнего притока Енисея и Тунгуски был объявлен запрет «на охоту на соболя», который начал исчезать как вид [РИБ, с. 849, 351].

В 1642 г. пожар сильно повредил город и многие земли были заброшены, в то же время постепенно сократились и поставки в город (количество лодок, которые их везли, уменьшилось с 7 в 1656 г. до 1 в 1658 г., в том числе и потому, что там было много кораблекрушений и повреждений лодок). В 1668 г. тобольский *воевода* П. И. Годунов велел закрыть морскую базу, «вынуждая путешественников проплывать через Енисейск», решив, таким образом, судьбу города. Результатом стал быстрый закат *вольного города* Мангазеи, который свел на нет успехи, достигнутые в результате создания *мира*, и привел к переезду большей части его населения в новый административный центр Туруханска, позже названный *Новой Мангазеей*, подвергнутый более пристальному контролю со стороны Москвы [см.: Александров, с. 12; РИБ, с. 1130].

Тем не менее, старый город продержался вплоть до 1672 г., с небольшим количеством жителей и минимальной торговлей. По прошествии трех столетий археологической экспедицией были обнаружены остатки старого города, в то время как в недавнее время, в 1998 г., другая археологическая экспедиция сумела найти некоторые лодки (*кочи*) и остатки домов и мебели, которые были перевезены в один из залов музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге, где находится также и план города [см.: Современная информация...]. Конец города был обусловлен различными причинами, в частности, закрытием морского пути, ведущего в Мангазею, по велению из Москвы, что было продиктовано общей политикой управления торговлей за пределами страны, в частности, задачами сохранения и развития плодотворного торгового обмена между различными портами Севера и России, расширяющимися на Восток. Из-за всего этого и стала выдающейся жертвой Мангазея, «Багдад Арктики».

Таблица 1

Число коренных жителей, обложенных данью (ясаком)
в течение 1606/7–1625/26 гг.*

	1605/7	1609/10	1613/14	1614/15	1617/18	1619/20	1623/24	1625/26
Самоеды	710	158	747	271	235	833	324	657
Остяки	257	342	343	–	334	365	294	319
Тунгусы	19	7	43	–	18	31	329	454
<i>Всего</i>	<i>986</i>	<i>507</i>	<i>1133</i>	<i>271</i>	<i>587</i>	<i>1229</i>	<i>947</i>	<i>1430</i>

* Источник: [Александров, с. 18].

Таблица 2

Города, облагаемые данью (ясаком)*

Город	Год	Ясак
Пелым	1598	2 783 шкурки
Сургут	1625	1 827 шкурки
Мангазея	1636	7 143 руб.
	1638	9 376 руб.
	1642	6 458 руб.
	1646	7 234 руб.

* Источник: [Fisher, p. 117].

Таблица 3

Движение промышленных людей через Мангазею (по Тунгуске)

Год	Кол-во человек
1630	887
1636	707
1637	586
1638	215
1639	403
1640	608
1641	695
1642	645

Таблица 4

Бюджет мангазейского мира*

1630	1017 руб. (расходы)
1632	2196 руб. (общий)
1633	1236 руб. (общий)
1634	1444 руб. (общий)
1635	2478 руб. (расходы)

* Источник: [Бахрушин, с. 299, 310].

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М. : Енисейский край, 1964.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // *История СССР*. 1986. № 1. С. 42–68.

Бахрушин С. В. Научные труды : в 3 т. Т. 3. М ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

Бучинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков : Тип. Губернского правления, 1889.

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С. 212–230.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/petr/> (дата обращения: 26.04.2014).

Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин : Обелиск, 1924. 107 с.

Резун Д. Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // *Вопросы истории*. 1979. № 10. С. 172–176.

РИБ. Т. II. СПб., 1875. № 254.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1982. 258 с.

Скрынников Р. Г. Ermak's Siberian Expedition // *Russian History*. 1986. 13. P. 1–40.

Современная информация в интервью археолога Георгия Визгалова. Мангазeya или Заполярное Эльдорато // *Аргументы и факты*. 2006. № 6. С. 14.

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М. : Эксмо, 2005. 544 с.

Fisher R. H. The Russian Fur Trade, 1500–1700. Berkeley, 1943.

George St. G. Siberia. The New Frontier. New York, 1969.

Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth Century. A study of the Colonial Administration, New York, 1972.

Lincoln B. L. The Conquest of a Continent. London, 1994.

Yermak's Campaign in Siberia / ed. T. Armstrong. London, 1975.

Aleksandrov, V. A. (1964). Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. [Russian population of Siberia in 17th – early 18th c.] (p. 15, 24–25). Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Aleksandrov, V. A. & Pokrovskij N. N. (1986). Mirskie organizacii i administrativnaya vlast' v Sibiri v XVII veke [Secular organizations and administrative authority in Siberia in 17th century]. *Istoriya SSSR* [The history of the USSR], 1, 42–68.

Armstrong, T. (Ed.). (1975). *Yermak's campaign in Siberia*. London.

Bahrushin, S. V. (1955). *Nauchny'e trudy'* [Scholarly works] (in 3 vols.). (Vol. 3). Moscow; Lenngrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Buchinskij, P. N. (1889). *Zaselenie Sibiri i by't pervy'h ee nasel'nikov*. [Settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tip. Gubernskogo pravleniya.

- Fisher, R. H. (1963). *The Russian fur trade, 1500–1700*. Berkeley.
- George, St. G. (1969). *Siberia. The new frontier*. New York.
- Istoriya Sibiri* [The history of Siberia] (in 2 vols.). (1937). (Vol. 1) (p. 212–230). Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
- Lantzeff, G. V. (1972). *Siberia in the seventeenth century. A study of the Colonial Administration*. New York.
- Lincoln, B. L. (1994). *The conquest of a continent*. London.
- Petrovskij, N. A. (n. d.). *Slovar' russkih lichny'h imen* [The dictionary of Russian personal names]. Retrieved from <http://www.gramota.ru/slovari/info/petr/> (last accessed on 26.04.2014).
- Platonov, S. F. (1924). *Proshloe russkogo severa: ocherki po istorii kolonizacii Pomor'ya*. [The past of Russian North: essays on the history of colonization of the Pomor'ye]. Berlin: Obelisk.
- Rezun D. Ya. (1979). E'voljuciya ponyatij "gorod" i "ostrog" v prikaznom deloproizvodstve XVII veka [Evolution of the concepts "town" and "stockaded town" in the mandative proceedings of the 17th century]. *Voprosy' istorii* [History issues], 10, 172–176.
- RIB. (Vol. 2). St. Petersburg. (1875). № 254.
- Skry'nnikov, R. G. (1982). *Sibirskaya e'kspediciya Ermaka* [Ermak's Siberian expedition]. Novosibirsk: Nauka.
- Skry'nnikov, R. G. (1986). Ermak's Siberian expedition. *Russian history*, 13, 1–40.
- Sovremennaya informacija v interv'yu arheologa Georgiya Vizgalova. Mangazeya ili Zapolyarnoe E'l'dorado [Current information in the interview of archaeologist George Vizgalov. Mangasea or polar Eldorado]. (2006). *Arguments and facts*, 6, 14.
- Superanskaya, A. V. (2005). *Slovar' russkih lichny'h imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow: E'ksmo.

Translated by prof. Irina Dergacheva

The article was submitted on 27.04.2014

Серджи Бертолисси
 профессор истории Восточной
 Европы, Италия,
 Неаполитанский Восточный
 университет
 sergio.bertolissi@gmail.com

Sergio Bertolissi
 Professor of East European
 History, Italy,
 University of Naples «L'Orientale»
 sergio.bertolissi@gmail.com